

Направляющиеся к базе Ревич силы Легиона изменили курс вскоре после отвоевывания Цитадели. Подкрепление Объединённого королевства среагировало на этот ход, тут же прорвав вражеский фронт, что позволило им достигнуть базы на следующий день.

Наступление Легиона в данный момент сдерживалось силами подкрепления... Но это всё, на что их хватало. Ни контратаковать, ни заставить силы Легиона отступить, ни даже удержать их. Другими словами, ударная группа «восемьдесят шесть» и все войска 1-го бронетанкового корпуса Объединённого королевства не смогут выстоять на этом поле боя.

Как бы прискорбно это не звучало, несмотря на отчаянные попытки ударной группы и Сиринов вернуть себе контроль над крепостью, базу Ревич придётся бросить. Белый транспортный грузовик и большегрузная машина цвета стальной синевы простились с базой, покотившись по дороге подобно похоронному конвою.

Сидя внутри тесного салона машины, под завязку набитого людьми, Лена уставилась на блеклый заснеженный пейзаж через пуленепробиваемое стекло.

Её взгляд зацепился за обрывистую скалу – базу, которая на короткое время стала их печальной передышкой перед реальностью поля боя. Они выступили против Легиона с целью вернуть её, но в итоге проиграли. Затем её внимание перехватила одна из сторон скалы, где виднелись остатки осадного моста.

Сирины и их Алконосты, добровольно пожертвовавшие свои механизированные тела для строительства этого отвратительного моста, хранили в себе множество тайн Объединённого королевства. Особенно это касалось самих Сиринов, ведь структура их нейронных сетей была очень ценна для Легиона. За тот короткий промежуток времени, когда всё-таки удалось на некоторое мгновение вернуть себе базу, Объединённое королевство попыталось забрать с собой как можно больше обломков, но все остальное они просто-напросто взорвали с помощью взрывчатки.

Они отдали свои жизни во благо человечества, но никто не оплакивал их, как людей.

«Восемьдесят шесть», послужившие не хуже них, также пострадали от этой битвы за Цитадель. Быть может, они и были закалены войной, но им пришлось сражаться за жизни в суровом снежном климате, с которым ещё не успели свыкнуться. И даже несмотря на мизерные шансы, им всё равно удалось отбросить Легион. Но вот с тактической точки зрения их усилия никак не окупались; с прошедшей операции они возвращались ни с чем. Покинув базу, никто из них так ничего и не сказал, хотя, возможно, связано это было с усталостью. Горечь поражения повисла в воздухе.

Самым запоминающимся моментом в этом сражении, безусловно, был осадный мост из обломков Алконостов и останков Сиринов. Мертвецы заполнили собой ров, а затем сформировали гору, по которой взбирались «восемьдесят шесть». Своего рода огромное надгробие, установленное в месте, где куклы в человеческом обличье, смеясь, давили друг друга.

Эта сцена приводила в ужас, даже если показывалась она через экран, а «восемьдесят шесть» видели её своими глазами. И они ступали по ним, осознавая, что ступают по останкам этих девушек. Они знали, что продвигались вперёд только благодаря их жертве.

Непостижимые душевные переживания.

Шин также находился внутри машины; он сидел прямо напротив Лены. Вспомнив его выражение лица в тот момент, когда тот смотрел на гору из останков Сиринов, она нахмурилась. Он был похож на потерянного, ничего не понимающего ребёнка. Казалось, что Шин мог исчезнуть в снегу в любой момент. То выражение лица... появилось даже у пережившего ужасы восьмьдесят шестого сектора, где ежедневно сталкивался лицом к лицу со смертью...

Лена внимательно осмотрела кабину; она наблюдала за спящими в тишине процессорами, вяло сидящими на своих сиденьях. Судя по всему, усталость окончательно их добила, и в ближайшее время они точно не откроют свои глаза. Шин также облокотился на спинку сиденья и держал глаза закрытыми, скрестив при этом руки на груди. Его спокойное выражение лица практически ничем не отличалось от обычного, за исключением бледности. Усталость, копившаяся в течение нескольких дней осадной битвы, всё-таки давала о себе знать.

«Он же... спит?»

Лена робко подняла одеяло, брошенное подле него. Во время сна температура человеческого тела немного падает. И даже несмотря на наличие кондиционера в тяжёлом транспортнике, вряд ли ему удастся долго поспать на морозе. Кое-как преодолев тесный салон, она аккуратно подошла к Шину, но как только одеяло вот-вот готово было накрыть его, алые глаза раскрылись.

— ...Лена?

— И-и-и!

Он поморгал несколько раз, а затем озадаченно посмотрел на неё. Лена, осознав, насколько близко друг к другу они были, инстинктивно юркнула назад, из-за чего одеяло медленно упало на его колени.

— ?.. Что-то случилось?

— Н-нет. Нет, я, э...

Лена с необычной стремительностью вернулась обратно на своё место. Затем она выпрямилась и положила руки на колени, чтобы заговорить с покрасневшим лицом, смотрящим куда угодно, но только не на него:

— Я подумала, что ты спишь и...

— А...

Пришедший ответ был вялым, впрочем, как и его реакция. Лена обеспокоенно повела бровью.

— Ты устал, должно быть. Давай, отдохни немного.

— Ещё нет. Мы до сих пор на вражеской территории.

Шин медленно покачал головой, понимая, что заснуть ему всё равно не удастся.

— Сейчас патрулированием и ведением сражений занимается подкрепление Объединённого королевства. Их численности вполне достаточно для этого, так что тебе не нужно заставлять себя, Шин... Теперь всё в порядке. Это уже не восемьдесят шестой сектор.

«Это уже не то поле боя, где “восемьдесят шесть” были предоставлены только сражения и встречи со смертью. Это уже не восемьдесят шестой сектор, где весь мир считался врагом.»

— Знаю, ты можешь сказать, что в природе человека заложена жертвенность остальными для собственного выживания. Но в неё также входит желание сражаться ради защиты собственного дома и дорогих тебе людей. Поэтому... теперь всё действительно в порядке.

— ...

Шин не ответил. Он уставился в пол, медленно моргая, словно боролся с желанием закрыть глаза, а его взгляд ни на чём толком не мог сосредоточиться. Похоже, он очень устал.

— ...Лена, и ты...

Срывавшиеся с его уст слова не были обращены к ней, а, скорее, он разговаривал сам с собой.

— ...до сих пор можешь говорить так?... Даже после увиденного?..

Лена озадаченного моргнула, но затем кивнула в знак согласия, когда вспомнила свои слова, однажды сказанные ею.

«Этот мир прекрасен?»

«Этот мир... Люди... Ты можешь научиться любить их?»

— Но как?..

Вопрос был кратким, но в нём чувствовалась мольба, из-за чего Лена не смогла сдержать слабой, но горькой улыбки. Он полностью отказался от этого мира, и для него этот осадный мост из тел Сиринов был символом его жестокости.

Мост из останков служил горьким напоминанием о реальности этого мира.

И хотя Лена не хотела верить в это, но, быть может, такова была правда. И всё же...

— ...Всё немного не так, я... Даже я в подобные моменты не могу не засомневаться в людях.

Время от времени она содрогалась от испытываемого отвращения к злобе мира, к собственной родине, не чувствующей стыда из-за своего отношения к «восемьдесят шесть», к игнорированию её отчётов, к непониманию жалоб, к всеобщей апатии, к умирающим товарищам, которые толпами помирали, а знала она о них разве что только имена.

Не стоит даже говорить о горе безымянных трупов, что появились во время крупномасштабного наступления.

Отвращение ограничивалось не только этим – она ненавидела себя за то, что не спросила их имена до того, как её за это упрекнули. За то, что она не видела в этом ничего странного.

Не весь мир и не все люди в нём были прекрасными и добрыми. Некоторые показывали такую отвратительную сторону себя, что даже прямо взглянуть на такого человека было попросту невозможным.

И всё же...

— Но... это тяжело. Если этот мир на самом деле такой, тогда... Нет, я...

Прежде чем Лена успела раскрыть своё сердце, она остановила себя и покачала головой. Он слишком устал. Его тело и разум прямо кричали о необходимости отдохнуть.

— Прости. Давай закончим этот разговор позже... Забудь об этом и просто расслабься. Если не можешь заснуть, то хотя бы прикрой глаза.

Она подняла упавшее одеяло и всё же накинула его на плечи Шина... Конечно, из-за этого её рука оказалась очень близко к его лицу. Сognaв с себя выступивший на щеках румянец мыслями о том, что Шину будет очень холодно, она запихала края одеяла между его спиной и спинкой сиденья, чтобы оно не свалилось от вибраций в машине.

Вернувшись на своё сиденье, она стала наблюдать за ним. Шин решил послушаться и закрыл глаза, и буквально через мгновение его тело обмякло.

Он был настолько измотан, что даже держать глаза открытыми было тяжело. Лена представить себе не могла, как тот планировал ещё какое-то время бодрствовать. Сиденья в машине были предельно жёсткими; о комфорте здесь не могло быть и речи, но Шин смог провалиться в сон буквально за считанные мгновения.

Как ни странно, его спящее лицо выглядело юным, подходящим его возрасту. Лена не смогла сдерживать улыбки, но затем вновь нахмурилась. Он так быстро заснул не только из-за накопившейся усталости от осады. Когда большая группа Легиона рассеялась, призрачные вопли стихли и то же самое произошло и с Сиринами.

За последние несколько дней он сражался в районе, где его слух улавливал все оглушительные вопли механизированных призраков в радиусе нескольких километров. Безусловно, это оказывало огромную нагрузку на его разум. Хуже всего было то, что сражался он в битве, к которой не привык. Его дух истощился от постоянных неэффективных набегов на неприступную крепость. Переутомление было настолько велико, что при первой возможности он тут же заснул.

«...Тогда почему?»

Лена плотно сжала губы. Подобное происходило постоянно. Лена делилась своей печалью, болью и виной, что тяжким грузом висели на её плечах, тогда как Шин принимал всё это и успокаивал.

Но почему тогда Шин ни разу не поделился своей болью? Почему он не хочет положиться на неё?..

†

Над перламутровым столом, сделанным из эбонита, проецировалась голографическая карта.

— Итак, вторая линия фронта и тактический район 1-го бронетанкового корпуса пали в результате последнего наступления Легиона.

Королевский дворец Объединённого королевства Роа Грация, конференц-зал, выделенный для военного совета. Сейчас здесь находились отвечающие за военные операции офицеры и члены аристократических семей. Присутствовали даже те, кто в данный момент были ещё на передовой, благодаря голограммам; все они осматривали трёхмерную карту, развёрнутую на столе.

Линии на голографической карте обрисовывали одну из военных зон Объединённого королевства – угол горного хребта Драконьего трупа в северном регионе страны. В то время, как армия Королевства располагалась на севере, армия Легиона – на юге. Между ними проходила долина, служившая второй оборонительной линией.

В данный момент силы Объединённого королевства вынуждены были отступить к северной вершине, где находился лагерь для резервных войск. Основные силы Легиона же полностью покрыли базу на северной стороне горы, из-за чего большая часть карты окрасилась в красный цвет.

— Вот здесь Легион формирует дополнительный лагерь. Согласно оценке Эспера из ударной группы, там сейчас наготове стоит целый батальон. По данным нашей разведки этот батальон состоит из бронетанковых машин: в основном это Львы и Динозавры. Можно с уверенностью заявить о подготовке к следующему нападению.

Такова была излюбленная тактика Легиона для прорыва вражеских линий обороны. Они высылали Динозавров с огромной огневой мощью вперёд и подавляли передовую в сопровождении остальных машин. Эту тактику они повторяли из раза в раз против Объединённого королевства, Союза, Альянса и даже против Республики Сан-Магнолии, когда Морфо разрушил стены.

— Прорвись они через наш резерв на горном хребте, и тогда следующем полем боя станут южные равнины. Там, где располагаются сельхозугодия Объединённого королевства – чуть ли не наше сердце. И если пламя войны перекинется на эту область... При всём уважении, но даже если Ваше Величество и замок переживут это, Объединённому королевству придёт конец.

Напряжение, выходящее за рамки приемлемого даже для милитаристической страны, повисло в воздухе. В данный момент у них просто не было такого поля боя, куда можно было бы приказать резерву отступить. Если они не смогут выстоять... если не смогут вернуть себе земли, у них не будет будущего.

— Есть ещё одна проблема: понижение температуры из-за вмешательства подёнок с ранней весны. Сельхозугодия на юге также будут уничтожены, если мы не разберёмся с ними уже к лету.

Восседающий на троне в самом дальнем конце зала король тихо вздохнул.

— Выходит, нашему королевству остался всего месяц. Чёртов Легион... Для них ведь также стоит немалых усилий удерживать их в воздухе.

Как правило, Легион производил энергию с помощью солнечных панелей. Насколько бы они не готовились, даже у них возникнут трудности на севере, где солнечный свет считался благодатью, что было вдвойне верно в зимний период. Вместо солнечной энергии они теперь полагаются на геотермальные генераторы.

Кроме того, крылья подёнок могли поднять их только на определённую высоту. Для того чтобы они покрыли небо на юге Объединённого королевства, нужно было полагаться на ветер и Кентавра с его дальнобойным запуском. В этом случае появлялась необходимость в базе, которую нельзя было разместить где угодно.

Впрочем, одна всё же нашлась – крепость Легиона, также отвечающая за производство огромного количества электроэнергии из геотермального генератора.

— Гора Драконий клык, значит... Мы должны любой ценой уничтожить базу. И как можно скорее.

— Как пожелаете, Ваше Величество. Нам необходимо как-то прорваться через оборону Легиона, взять гору под свой контроль и прекратить развёртывание подёнок. Попутно мы ещё и прервём их производство... Только вот если не сможем это выполнить и вытеснить их хотя бы ко второй линии фронта, у нашей страны не будет будущего.

Король кивнул и заговорил:

— Что насчёт ударной группы, Зафар?

В ответ на вопрос кронпринц, командующий силами второго фронта, кивнул. Предоставленный соседней страной отряд всё ещё мог послужить краеугольным камнем в операции по захвату горы. Лезвие до сих пор было заточено.

— Офицеры направляются в столицу и будут ждать решения об операции там, а главные силы сейчас находятся в запасе. Придётся выждать время, необходимое для пополнения припасов из Союза... Однако, безусловно, они – меч, способный противостоять механизированным призракам. Используя их не по назначению, рано или поздно от него может ничего и не остаться.

— Мы ведь можем задействовать их?

Он говорил не только об остро заточенном мече, предоставленном Союзом, но также и о птичках смерти Объединённого королевства, которое с неохотой приняло эту технологию. Улыбка Зафара исказилась и походила на вытащенный из ножен меч.

— Конечно.

†

— ...Так, что насчёт пополнения припасов для Джаггернаутов, израсходованных в операции по захвату Цитадели... Со следующей поставкой мы получим столько, сколько нужно. У Союза есть некоторые проблемы с этим, потому что необходимо покрыть потери от

крупномасштабного наступления и излишков нам, естественно, не достанется, но полковник Вензель смогла хотя бы достать нам всё необходимое.

Бэрнольт хоть и считался самым старшим среди унтер-офицеров, а также служил в роли капитана подразделения Варгов в отряде Нордлихт, он всё ещё был помощником Шина. В зал внесли несколько столов, а сам Бэрнольт говорил с Шином, стоя прямо перед ним.

Операция по захвату горы Дракониий клык в данный момент перерабатывалась, так что Лене с остальными офицерами, вместе с группой Шина, состоящей из старших процессоров, Бэрнольта и капитанами отрядов, было велено вернуться в столицу. Общий зал в императорских покоях служил в качестве как бараков, так и кабинетом капитанов.

За окном можно было увидеть заснеженный пейзаж... что совсем противостоестественно, учитывая скорое приближение лета.

— Военные шишки уже скоро должны завершить свой совет, а сама операция начнётся, вероятно, после пополнения припасов. Ситуация, надо сказать, ой какая не из лёгких даже далеко за пределами передовой. Уверен, она настолько ужасна, что они просто не хотят сидеть и выжидать какой-то там Союз... И кстати...

В общем зале присутствовал лишь один капитан – Шин. Остальные сейчас занимались своими делами. Бэрнольт апатично огляделся и произнёс:

— ...с тобой точно всё в порядке, пацан?

— ...О чём ты?

— Только вот не начинай, а? Сейчас ты, быть может, и выглядишь более-менее самим собой, но твой голос дрожал в момент произнесения приказа об отступлении.

Шин плотно сжал губы. Останки Сиринов, валяющихся на заснеженном поле. Необходимость переступать через их тела, круша их под весом Джаггернаута... Это словно была демонстрация выбранного ими пути, который и привёл сюда – пути, выможенным из пожертвовавших собой товарищей.

Оглядываясь назад, он вспоминал собственные мысли.

□

«Все люди – монстры.»

□

«Восемьдесят шесть» увидели конец их длинного путешествия... так называемую награду за неприкосновенную «гордость». Гора смеющихся трупов. Но эта гордость была всем, что у них осталось. Они уже не могли что-либо изменить.

— ...На предстоящую операцию это никак не повлияет.

— Да уж, в этом-то я и не сомневался, но... Вау, да ты и вправду вляпался. Поверить не могу, что ты так легко признал это.

— ...

«Чёрт...»

Бэрнольт рассмеялся над этим проколом, а Шин скорчил мину.

«...Как же раздражает.»

— Слушай, я просто облегчение испытал, когда увидел, что ты можешь вести себя подобно своему возрасту, вот и всё. Даже наёмники – то есть мы – были шокированы тем осадным мостом. Для детишек видеть это, вероятно, ещё тяжелее.

— И как вы после такого?

— Ну, мы, Варги, – самые настоящие зверолюди. Мы не хотели бы умереть как те куклы, но это всё же лучше соломенной смерти. А, к слову, «соломенная смерть» – это такое выражение, используемое в нашей стране. Означает оно умирающего старикашку, мирно спящего в своей кровати.

— Зверолюди?

Бэрнольт уже говорил о Варгах в подобном ключе. Звери в обличье людей... И он всегда произносил это с оттенком гордости. Бэрнольт кивнул.

— Ага, так называли тех, кого прогнали с деревень и городов. Они относились к ним как к волкам, а не людям. К тем, кто не может жить среди людей, другого отношения ждать не стоит.

— Мне кажется, или это Салический закон?.. Довольно старый концепт.

— Нет, ну вот откуда ты всё это знаешь?.. Я, конечно, знаю, что ты тот ещё книжный червь, но всё же.

— Корни Райдена уходят глубоко в менталитет «зверолюда», так что я слышал об этом. Собственно, его предки презирали эту идеологию, что и послужило причиной переезда из Империи в Республику.

— Вот как. Так значит поэтому старшего лейтенанта Шуга называют Оборотнем. Если он из бывшей Империи, значит его предки принадлежали к какой-нибудь группе Варгов... А в Республике всё свелось к одному: к людям стали относиться как к животным в человеческом облике. К слову о невезении.

— ...

На самом деле за позывным Райдена скрывалось описание его характера во времена первой встречи с Шином. Тогда он походил, скорее, на грозного волка, способного огрызнуться в любой момент. Такой позывной был по большей части оскорблением. Шин отвёл взгляд, но Бэрнольт не заметил этого и продолжил:

— ...Ну да и ладно, о чём там я? Мы, Варги, подобны оборотням – изгнанники, выброшенные за границы Империи. Страна совсем ничего не теряла от нашей смерти, в отличие от простого народа, поэтому, когда дело доходило до войны, нас тут же подкупали, и для лучшего послушания отправляли пропитание. Создался некий класс вассальных воинов. Их освобождали от выплаты налогов и обеспечивали провизией как в военное, так и в мирное время. Нас, Варгов... Хотя, с другой стороны, простой народ более не желает иметь с нами ничего общего.

И даже после падения Империи и появления Союза пропасть между Варгами и остальным населением никуда не делась. У них не было гражданства Союза, но в то же время они считались его жителями. Им был закрыт вход в офицерские академии и военные школы, но на поле боя к ним всё равно относились как к наёмной силе.

Зверолюды, другими словами. Животные, которым нет места среди людей.

— ...Ты никогда не думал изменить подобный расклад?

— Не-а. Мы были кем-то вроде солдат удачи. Так просто легче.

Бэрнольт говорил это уверенным голосом без тени колебаний или негодования. Он как будто взаправду верил такому идеалу.

— Столетиями мы только и делали, что воевали. Страсть к битвам уже течёт по нашим венам. С этой точки зрения нет ничего ненормального в том, что мы не уживаемся с жителями страны и не можем жить в мире где-нибудь посреди города... Волки остаются волками до самой смерти, в конце-то концов. Мы не можем стать людьми, да и не то чтобы у нас было такое желание.

— ...

«У нас осталась только эта гордость. И этого уже не изменить.»

Посмотрев на замолчавшего Шина, Бэрнольт внезапно улыбнулся. Его волосы были цвета стали, а глаза имели золотистый оттенок. Шин действительно видел в нём старого волка, будто его внешность олицетворяла этот образ. Чёрствый и зверский.

— Не смей терять эту милую сторону себя. «Восемьдесят шесть» ведь не хотят становиться чем-то, что уже не является человеком, правда?

□

— Итак, цель наша осталась прежней – уничтожение базы в горе Драконий клык.

Для военного сбора во дворце был подготовлен общий зал. Вик говорил, стоя подле голографической карты поля боя, проецирующейся над роскошным паркетным столом. Остальная информация показывалась на нескольких голографических экранах. В зале присутствовали также Лена, Грета, будучи командующей ударной группой, а также капитаны отрядов и штабные офицеры полка Вика.

— Потери со стороны ударной группы в последней битве не должны поставить нынешнюю операцию под угрозу провала. Верно это и для моего полка – потери находятся всё ещё в допустимых пределах.

— Ага.

Тем не менее подсчёты велись без учёта огромных потерь Сиринов. Казалось, солдаты из полка Вика сейчас испытывали те же эмоции, что и «восемьдесят шесть». Кураторы, эмоционально привязанные к своим «подчинённым», также едва ли не полностью деморализованы.

Вик, однако, совершенно не обращал на это никакого внимания и продолжал непоколебимо вещать:

— Главная проблема сейчас в основных силах Объединённого королевства. Их руки полностью заняты удерживанием линии обороны от лап Легиона. Поставки припасов также в основном направляются туда. В отличие от прошлого раза, теперь мы не можем рассчитывать на стратегию по отвлечению внимания.

Лена слушала спокойный голос Вика и смотрела на выражение его лица со смешанными чувствами. Она понимала, что тот пытался всеми силами придумать контрмеры и действовал так лишь из-за того, что проявление беспокойства не приведёт ни к чему хорошему. Но даже несмотря на это, она не могла не думать о подобном поведении, как о чём-то неестественном.

Вопреки чувствам Лены, Грета заговорила тем же бесстрастным тоном голоса:

— Насколько бы успешно мы не прорывались через оборону Легиона, нам всё ещё нужно преодолеть что-то около семидесяти километров... Хотя нет, учитывая отступление ко второй линии фронта, теперь это девяносто километров. Каким образом мы пересечём это расстояние и захватим базу на горе Драконий клык? Думаю, нам нужно всё ещё раз обдумать с самого начала.

На новом голографическом окне показывалась информация по численности сил Легиона. Длинный и широкий прямоугольник пересекал почти всю карту. Взглянув на неё, Лена вздрогнула. Хотя почти для всех битв подобная ситуация была верна, но...

— «Имя нам Легион, ибо нас много». Эти слова как нельзя лучше подходят. Их силы слишком превосходят нас.

Легиону не удалось обойтись без потерь в последней битве, но на их численности это никак не отразилось. За короткий период времени им удалось воссоздать все машины. Способность Вайзела по массовому производству Легиона, находясь при этом в безопасности в глубинах территорий, считалась в равной степени невероятной и раздражающей.

Им нужно избегать попыток прорваться через линию фронта Легиона, сталкиваясь с ними в прямом столкновении. Впрочем, об этом даже речи идти не могло. Для прямолинейного прорыва через оборону требовалась армия в несколько раз больше вражеской.

Ещё существовал вариант разъединить вражеское строение и сосредоточить силы в одной точке, где оборона будет более слабой, но даже в этой стратегии были свои ограничения. Перво-наперво, численность ударной группы равнялась лишь бригаде, так что любая попытка как-то разделить основные силы противника ни к чему бы не привела.

У Лены вдруг возникла идея.

— А что насчёт высылки с воздуха?..

Если Легион мог, почему бы им не сделать то же самое?

— Невозможно. На территориях Объединённого королевства развёрнуты Дикобразы. Да и помимо них ещё есть подёнки, которых в разы больше, чем в Республике или Союзе.

Подёнки не только могли создавать электромагнитные помехи, но и применять контрмеры против летательных аппаратов: например, вставать на пути и попадать прямо в двигатель, разрушая его изнутри. Из-за них и противовоздушных пушек Дикобразов проникнуть в воздушное пространство Легиона считалось невыполнимой задачей.

— Ракетный двигатель...

— У Объединённого королевства нет ни одного такого двигателя, способного выдержать вес передовых сил, — оборвал её Вик. — Полковник Вензель, в прошлом году, во время операции по уничтожению Морфо, Союз использовал наземный крылатый аппарат для транспортировки отряда капитана Ноузена. Закончилось всё, конечно, падением, но, может у Союза ещё остался хотя бы один такой самолёт?

Лена удивлённо моргнула, впервые услышав об этом. Наземный крылатый аппарат? Парить над землёй, направляясь прямо на территорию Легиона? В то время, когда Шин и его группа находились под командованием Греты, они числились отрядом только с точки зрения его размера.

Грета, постоянно казавшаяся взрослой и ответственной женщиной, действительно пошла на нечто столь безрассудное?

Тем временем она слегка качнула головой.

— Нахцерер у нас был только один... То есть, тот самый наземный крылатый аппарат. Он разбился во время той операции, а все прототипы и данные о его разработке уже давно были изъяты и ликвидированы. Ничего не осталось. Ну, а даже если бы сам аппарат всё ещё был цел, он у нас всего один такой.

— И этого будет недостаточно для транспортировки такого веса. Или же будет не хватать пилотов, которые смогли бы справиться с этим самолётом.

— В той операции пилотировала его я, но опыта полёта в небе Объединённого королевства у меня нет. И не хочу показаться грубой, но я сомневаюсь, что в вашей стране найдутся умельцы, способные управлять самолётом, не являющимся транспортником.

— Лгать не буду, наши истребители и бомбардировщики просто пылятся в ангарах.

Вик вздохнул и негласно признал отсутствие у страны пилотов.

— Может тогда открыть путь для вторжения ракетами или артиллерией? — спросила Лена.

— Система наведения ракет не сработает в подобных условиях, а тяжёлой артиллерии не достаёт огневой мощи для нанесения урона по Динозаврам, способных выстоять даже под залпами Скорпиона, как это было во время крупномасштабного наступления.

— ...

Она могла и догадаться об этом, но грубая сила не была чем-то, что могла всё решить. Зал погрузился в тишину, а Лена шевелила извилинами. Должно было быть... хоть что-то. Какой-нибудь способ провести транспортировку Джаггернаутов или подорвать маршрут к горе Драконий клык. Что-то точно...

Внезапно глаза Лены широко раскрылись.

«Быть может, мы смогли бы...»

Вик заметил изменения в лице Лены.

— Миризе, похоже у тебя появилась какая-то блестящая идея?

— Нет...

Лена не могла искренне описать эту идею словом «блестящая».

— Но это всё же лучше использования ударной группы. Что насчёт Сиринов? Сколько из них мы можем пустить в битву?

Вик усмехнулся. Он выглядел даже несколько оскорблённым тем, что Лена задала вопрос, ответ на который слишком очевиден.

— Неужели ещё не поняла? Эти девушки – оружие. Когда речь заходит о войне, качество уходит на второй план, тогда как на первый выходит количество. Их нельзя было бы назвать современным оружием, не будь настроено его массовое производство.

†

Позади Шина раздались постукивания военных сапог. Сами шаги были необычайно агрессивны для своего темпа, да и по своей амплитуде напоминали Шина... Разве что звучали они тяжело. Словно бы скелет и все органы были сделаны полностью из металла, покрытым искусственными мышцами и кожей.

Шин слышал сбившееся дыхание Рито, стоявшего прямо позади него. Он сглотнул и сделал шаг назад.

— Давно не виделись, Бог Смерти-доно.

Стоя лицом к лицу в покрытом паркетом коридоре, Шин взглянул на довольно высокую девушку. Пламенно-алые волосы с слишком неестественным оттенком красного. Уникальная

для этих девушек бордовая форма, а также фиолетовый искусственный нервный кристалл, встроенный в её лоб.

И говорила она также спокойно, как и тогда.

— ...Людмила.

В голосе Шина чувствовалась дрожь. Он не смог сдержать проникший в сердце холодок, но механизированная девушка лишь улыбнулась в ответ изящной улыбкой, игнорирующей страх стоящих перед ней людей... Она улыбалась с тем же самым выражением лица, как и в тот момент.

— Верно, мой позывной – Людмила. Мне была дарована честь вновь вернуться в строй. Можете использовать меня и просто выбросить, когда пожелаете.

То же самое выражение лица у неё прослеживалось в момент построения осадного моста, когда останки Сиринов и обломки Алконостов смешивались друг с другом.

— «Использовать и выбросить»?.. Как ты можешь говорить что-то подобное с улыбкой на лице?!.. — прохрипел Рито.

Людмила, однако, никак не отреагировала. Она не винила его за страх и не демонстрировала признаки сожаления за свои прошлые действия.

— Служа Вам, мы испытываем удовольствие. Прошу, воспользуйтесь нами.

— ...

Сирины были подобны Легиону: чёрным овцам, пастухам или гончим. Оружие, созданное путём ассимилирования нейронных сетей мертвецов. Структура их мозгов, данные по сражениям и искусственные личности хранились в Объединённом королевстве для последующего массового производства.

Шин знал это. Сравнивая эту Людмилу с той, кто погибла несколько дней назад, у неё была та же искусственная личность, возможно, те же данные по сражениям и даже воспоминания о тех днях до операции. Однако Шин не мог воспринимать этих двух Людмил за одного и того же человека. Всё-таки...

«Вот как... Да, это... жутко...»

Он находил это отвратительным. Эта девушка погибла всего несколько дней назад... Обломки её тела некогда лежали на поле боя. И всё же она вновь окажется на передовой в следующей

операции. С тем же самым выражением лица. С тем же голосом, личностью и воспоминаниями.

Словно бы ничего и не происходило.

К девушкам относились как к расходному материалу, – прямо как в случае «восемьдесят шесть», – но они продолжали вставать и идти напролом. Вместо одной смерти они находились в петле столько, сколько это было необходимо. Их жизни – не более чем мусор, но они сами поддерживали этот образ.

Для людей, постоянно думавших о времени и причине их собственной смерти, это считалось непостижимом кощунством.

Будто смерть – это просто смерть.

Лишённая всякого смысла.

Лишённая ценности.

Идея состояла в том, что в смерть не только не вкладывали какой-либо смысл, но и в заслуги ее никто не записывал.

— ...Ага.

□

Лена шла по коридору, соединяющему конференц-зал замка и императорские покои, выступающих в качестве их нынешних барачков. В этот момент она столкнулась с Лерче.

— А...

— О, Кровавая королева-доно!

Лена резко остановилась, а Лерче буднично поприветствовала её. Руки и ноги, потерянные во время прошлого сражения, сейчас были на своих местах, и также отсутствовали и другие раны... И даже на шее не было никаких признаков того, что её голова – единственное, что пережило те события.

Лерче прижала правый кулак к центру груди, что считалось типичным воинским приветствием в Объединённом королевстве.

— Первая Сиринов, Лерче, вновь готова служить. Я буду верно служить в роли меча Объединённого королевства и ударной группы «восемьдесят шесть». Прошу, используйте меня, как пожелаете.

— Ладно. Тебя, э... быстрее, чем я ожидала.

Лена намеренно опустила слово «починили». Лерче добродушно улыбнулась, не обратив внимание на заминку.

— Я бы лучше сказала, что это заняло больше времени, чем нужно. Все части моего тела могут быть заменены только в мастерской Его Высочества... Запасные детали других Сиринов заранее создаются на производственных линиях и базах на линии фронта, так что им достаточно лишь загрузить искусственные личности и данные по сражениям. Их могут вернуть в строй немедленно, даже если тела полностью были уничтожены... Собственно, как это и произошло в прошлой битве. К слову, есть множество Сиринов с одними и теми же позывными и внешностью, функционирующих одновременно.

— ...

Для Лены этот идеал был чересчур болезненным, но Лерче описывала своё существование в роли оружия с гордостью. Наглядная демонстрация, что Объединённое королевство видело в этих девушках лишь заменяемые части. Не более чем продукт массового производства.

У современного вооружения всегда имелись запчасти, ожидающие своего выхода на базах и заводах. Регинлейвы также имели фиксированное количество запасных деталей, распределённых по каждому отряду и батальону. И хотя пример Шина уникален, но даже в восемьдесят шестом секторе у него были подготовлены один-два запасных Джаггернаута - Могильщика.

Однако, видя эту же логику, применяемую к девушкам, что ближе всех среди машин находились к человеческому существованию, Лена чувствовала в этом что-то неправильное, порочащее понятие этики.

— ...И это не больно?

— Простите?

Содержащее в её вопросе спокойствие поставило Лену в тупик. Лерче, похоже, уже привыкла к такой реакции, поэтому с улыбкой заговорила:

— Как думаете, снаряды от пушек кричат от боли, хранясь при этом на заводе или складе? Или, например, в момент залпа? Люди пытаются избежать войны только из-за того, что их тела не предназначены для сражений. Но мы, Сириновы, являемся оружием. Мы созданы для

уничтожения врага. Умереть, попутно забрав их с собой, также наша гордость. Мы не видим в этом ничего омерзительного. Кроме того...

Лерче перевела взгляд на старый меч, украшенный орнаментом. Он висел на стене позади Лены.

— ...этот меч. Он настолько ничтожен, что не идёт ни в какое сравнение с нами. Его предназначение – разрубить врага, сразив его в пылу битвы. Но свою судьбу он никогда не сможет исполнить. Технологические достижения войны сделали его всего лишь устаревшим украшением, годным только для постоянной демонстрации слабости... То же верно и для вас.

Неожиданные слова ввели Лену в ступор, и та на какое-то время могла лишь смотреть на девушку, ростом которая была немного ниже её самой.

— Ты жалеешь нас?

Лерче выпрямилась и почтительно кивнула головой.

— Да. Люди ненавидят войну и боятся её последствий – смерти. Но несмотря на это, вы всё равно вынуждены оставаться на поле боя... Вы спросили меня о боли, но на самом деле я бы хотела адресовать этот вопрос Вам. После смерти человека, в отличие от нас, стирается и его существование, а в мире есть так много всего не связанного с войной, чего все вы искренне желаете. Вам выделяется время не только для сражений, и всё же вы тратите его только на них. Разве такая жизнь не мучительна?

— ...Ты, быть может, и права, но...

Очевидно, на вопрос «Больно ли?» ответ только один – «да». По крайней мере, Лена не могла с уверенностью заявить о получении наслаждения от участия в сражениях на поле боя. Она, вероятно, никогда не помчится вперёд подобно Сиринам в последней битве – смеясь над жестокой судьбой, словно это было единственное, чего они хотели. По правде говоря, ей совсем не хотелось сражаться.

Однако...

Её мысли вернулись к Шину и остальным процессорам из отряда «Остриё копья», с которыми она разговаривала...

— ...«Восемьдесят шесть» выбрали выживание на поле боя. А я выбрала сражение на их стороне.

Лерче озадаченно склонила голову набок.

— Ну и ну... Думаю, всем они говорят именно так. Но чем ближе Вы подбираетесь, тем сложнее становится правильно понимать их.

В её зелёных глазах, в отличие от человеческих, ясно отражались солнечные лучи.

— О чём это ты?..

— Моё мнение таково: Бог Смерти-доно и остальные «восемьдесят шесть» не хотят быть на поле боя.

□

— ...Все, кажется, сейчас зациклены только на одном, да?

Хотя говорилось, что смешивать с чаем засахаренные лепестки и фрукты считалось в Объединённом королевстве дурным тоном, Фредерику это совсем не заботило. Один из пожилых камергеров приносил ей огромную серебряную тарелку с разным засахаренным добром.

В чашке чая уже было полным-полно лепестков, но Фредерика так и не прикоснулась к ней, вместо этого задумчиво уставившись на неё и заговорив. Райден, сидя напротив, повёл бровью. Они находились на террасе виллы, но сад был окружён только монохромным снегом.

— ...Ага, этот удар слишком серьёзен, чтобы так просто принять его.

Он вспомнил осадный мост, сделанный из обломков Алконостов и останков Сиринов. На Рито, как и на некоторых юных процессоров, казалось, это повлияло больше всего, пусть они и не выражали свои чувства словами.

Последствия этого болезненного события стали отражаться на каждом. В отчётах стало появляться больше ошибок и опечаток. Конечно, многие из процессоров не получили даже начального образования, из-за чего читать и писать они могли с трудом. И всё же, даже учитывая эти обстоятельства, сделанные ошибки были слишком нетипичны.

У них не получалось сосредоточиться на работе. Мысли заводили их разумы куда-то вглубь размышлений, из-за чего любая поставленная задача не выполнялась должным образом. Не выходила даже проверка документов, от которых могла зависеть жизнь или смерть.

— А вот с тобой, кажется, всё не так уж и плохо, если сравнивать с остальными.

— Да, но я же не видел самого процесса, а только к чему всё это привело.

Он не видел самого главного – того, как Сирины сами неслись вперёд и жертвовали собой для построения осадного моста. Ему не приходилось ступать по механизированным останкам. Однако это не единственная причина, из-за которой Райден сохранял в определённой степени спокойствие. Те «восемьдесят шесть», что также случайно увидели это зрелище уже во время сражения с оставшимися вражескими силами, были шокированы зрелищем.

Он не испытывал потрясения не из-за того, что увидел только конец.

Нет, вероятно, он просто... был самым не заточенным лезвием среди них.

Райден укрывался в восьмидесяти пяти секторах в Республике до двенадцати лет, так что он получал несколько больше человеческой доброты, нежели злобы Республики, в отличие от его товарищей.

«Да, я многое потерял в восемьдесят шестом секторе, но... не всё.»

Фредерика тревожно взглянула на Райдена, будто бы аккуратно изучала какую-то рану.

— И что ты... думаешь об увиденном?

— Не хочу так кончать.

Ответ его был коротким, и резкость в голосе он заметил только после того, как слова сорвались с уст. Он тихо цокнул языком, чтобы Фредерика этого не услышала.

«Мы всё ещё стоим спиной к стене. Только до этого момента никто этого не замечал.»

Райден, не в силах вынести маленькие кроваво-красные глаза, увёл взгляд. Он чувствовал, как этот алый прищур мог смотреть сквозь него, прожигая всю ту ложь и блеф.

— ...Я понимаю, о чём ты хочешь спросить. Если я так думаю, то что тогда делать с этим? По какому именно другому пути мы должны пойти, чтобы не завернуть на ту же тропу, что и они? Но, честно говоря, я понятия не имею.

Сирины отличались от «восемьдесят шесть». Таков был факт. Но в чём конкретно крылись различия? Что могли бы сделать «восемьдесят шесть» по-другому, чтобы не пойти по пути становления забытыми всеми трупами на вершине горы? На этот вопрос у Райдена – да и, вероятно, у его товарищей – ответа не было.

Хотя...

На его губах разыграла искажённая горькая улыбка.

— Я даже знать этого не хочу. Думаю, сейчас это наиболее честный ответ, который я могу дать. Не хочется этого признавать, но...

Шин однажды сказал ему нечто похожее.

— Ты не хочешь вспоминать?

Семью. Дом. Смутные проблески будущего, о котором он тогда мечтал. Период, когда он был счастлив.

Райден говорил «да», как и Шин – оба они думали в одном направлении... Никто из них не хотел вспоминать. Хотя они, скорее, даже думать об этом не хотели. Ведь мысли о будущем у них уже однажды забрали.

«Восемьдесят шесть» оставалось только верить в то, что...

— ...Этого нам желать не позволено.

□

— Итак, похоже, они со дня на день разберутся с деталями следующей операции.

Они вернулись в королевский замок, где должны были ожидать окончания обсуждения предстоящей миссии. Однако по возвращению их встретили сквозившие холодом взгляды, направленные прямо на них. Конечно, отступление Объединённого королевства ко второму фронту не было виной «восемьдесят шесть», но факт оставался фактом – ударная группа не справилась и вернулась ни с чем.

Первым заговорил Сео, находившийся внутри императорских покоев, что служили в данный момент их бараками. На них смотрели свысока, но такое отношение было естественным. Члены ударной группы всегда старались избегать ненужных сражений, так что большинство из них оставались в покоях.

Они прекрасно осознавали, что остальные видят в них лишь кровожадных берсерков. Кроме того, они понимали, что после вступления в армию их рассматривали лишь как оружие.

— Ну, то есть, они ведь не могут позволить нам, каким-то «восемьдесят шесть», слоняться тут без дела вечно, правда? Объединённое королевство всё-таки в тяжёлом положении и... Слушай... — произнёс он, смотря на апатично уставившуюся в окно фигуру. — Крена, с тобой всё нормально?

— А? Нормально, конечно, не видно что ли? — ответила она несколько грубее, чем ожидала.

В таком состоянии она находилась с перехвата базы Ревич... С тех пор она постоянно была в напряжении подобно кошке, отвергающей всяческие попытки других приблизиться к ней.

Впрочем, верно это было и для Шина, Райдена, Анжу и самого Сео... а также для всех «восемьдесят шесть», пусть и в разной степени. Крена сузила свои золотистые глаза, пронзительно уставившись на Сео, словно её взбесило его молчание.

— Мы отличаемся от них.

От беспилотных процессоров, выполняющих роль оружия - Сиринов. От тех, кто с гордостью смеялся, пока те стаптывали друг друга.

— Мы не похожи. Разве это не очевидно, а? Не понимаю, почему все так переживают из-за этого. Они... Мы не Сирины.

И всё же Сео услышал скрип зубов, раздавшийся одновременно с этими словами. Она отрицала, будто бы пыталась убедить в этом саму себя.

— Та гора трупов... состоит не из наших мёртвых тел.

— Ага.

Между Сиринами и «восемьдесят шесть» существовали различия. У тех смеющихся во время топтания друг друга девушек более не было будущего, тогда как «восемьдесят шесть» в данный момент пытались заглянуть в него. Она понимала это. По крайней мере... так должно было быть.

— Только вот знаешь... А в чём мы отличаемся-то? Мы, «восемьдесят шесть», не можем этого понять, и я думаю... именно в этом кроется причина отрицания...

Смерть придёт и к ним однажды. Когда это произойдёт, будут ли «восемьдесят шесть» смеяться с гордостью? Смеяться, когда бессмысленная смерть настигнет их? Каждый из них понимал - такая вероятность есть. И они не могли с уверенностью заявить, что её нет. Вот почему...

— Просто мне кажется, что все... напуганы этим.

Даже Шин и... Крена, плотно сжавшая губы, чтобы затем отвести взгляд.

□

— С тобой всё в порядке, младший лейтенант Эмма?.. А-а-а, то есть... Анжу. Ты снова витаешь в облаках.

Отвлёкшись на робкий голос, Анжу подняла голову с офисного стола. Она смахнула в сторону электронный документ с информацией по вооружению и припасам её взвода и затем пожала плечами.

— Я уже задавалась этим вопросом, но...

Взглянув в сторону раздавшегося голоса, её взгляд зацепился за серебряные глаза и перламутровые волосы, с которыми ещё не успела свыкнуться. Принадлежали они единственному в ударной группе парню, носившему форму Республики цвета берлинской лазури. Его рост был немногим ниже Дайи, и когда их взгляды пересекались, на мгновение у неё появлялось чувство тоски по нему.

— ...Дастин-кун, тебя это и вправду не волнует?

Он взбирался по осадному мосту вместе с ними. Лена, Вик и Фредерика в тот момент видели всё через экран в командном отделении, а Аннет и Греты там вообще не было, так что они лишь слышали об этом. Никто из них не был «восемьдесят шесть»...

— Ну, не то чтобы я никогда до этого не видел гор из трупов, как, например, во время крупномасштабного наступления. Просто я, э-э...

Республика приняла на себя основной удар во время того наступления прошлым летом. Вся страна пала под натиском сил Легиона. Жителям Республики, окружённым стенами, минными полями и безжалостными машинами, некуда было бежать.

Машины по истреблению человечества не брали пленных и не проводили различий между военными и простыми гражданскими. Десятки миллионов жителей, составляющих большую часть населения страны, сгинули в тот же миг... Времени не было даже на то, чтобы похоронить останки.

— Не хочу показаться грубым, но я не могу понять причину, из-за которой вы так заиклены на этом. Да, безусловно, операция ужасна, но, э-э... Знаешь, мы ведь уже видели все эти скелеты, когда впервые узнали про образцы мозгов в колбах или когда встретили гниющую груды тел жителей Республики в подземном вокзале. Сирины просто часть этого, и я искренне не понимаю, почему из-за этого нужно так сильно беспокоиться.

Дастин вспомнил Шина во время операции в подземном вокзале Шарите. Образцы изымались из голов живших некогда людей, словно они были не более чем предметы. Головы вскрывались,

а мозги помещались в стеклянные колбы без какого-либо намёка на человеческое достоинство. Но несмотря на ужасающее зрелище, Шин и бровью не повёл. Его алый взгляд безэмоционально бродил по телам, будто бы те действительно являлись лишь вещами.

Эта отрешённость была под стать прозвищу Бога Смерти. Однако в этой операции он был другим. Шин видел, как механизированные девушки с улыбками на лицах прыгают в бездну, формируя осадный мост из тел. Зрелище, определённо, было не из приятных, но мало чем отличалось от горы трупов в подземном вокзале. И всё же тогда он заколебался.

— ...Понятно. Ты всё-таки отличаешься от нас.

Смотря на эту грудку обломков, они видели собственное будущее. Мчаться навстречу своей смерти, смеясь с гордостью. Дастин не видел в них отражения самого себя.

Даже если Дастин и Анжу стали свидетелями одной и той же сцены, они видели её с разных углов. Они сражались на одном поле боя, но Дастин вызвался в группу добровольцем, тогда как Анжу была «восемьдесят шесть». Между ними проходила существенная разница, пусть даже у них у обоих не было родины или дома, куда можно было бы вернуться.

— ...Прости, — сказал Дастин, склонив голову.

— Всё нормально, тебе не нужно извиняться за это... Но скажи мне...

Она понимала, что этот вопрос не из лёгких. Вероятно, прозвучит он как обвинение в сторону гражданина Республики. Несмотря на отсутствие такого намерения, Анжу из числа «восемьдесят шесть», тогда как Дастин – житель Республики. Вопрос будет однозначно воспринят как обвинение.

— ...Что недостаёт нам, чтобы быть похожим на тебя? Что нам необходимо обрести, чтобы... стать нормальными?

— ...

Дастин отвернулся после того, как услышал этот вопрос. Простой вопрос, заданный не из побуждений обвинить его, но он создавал огромную пропасть между ними. Из-за него ясно ощущалась непередаваемая пустота в её взгляде... в её словах.

— Кажется, ты не совсем правильно меня поняла... Дело ведь не в моём мнении о нормальности или ненормальности вас всех, такова разница в наших ценностях. Просто... — на мгновение замолчав для подбора нужных слов, Дастин продолжил. — Выбранный вами образ жизни больше похож на пытку. Как будто вы связали сами себя.

«Мы – “восемьдесят шесть”», – так время от времени говорили Анжу и остальные. Они приняли

название, которое Республика навязала им с целью принижения, наполнив его гордостью. Однако с позиции Дастина оно было проклятием.

Гордость, делающая из них тех, кем они являются сейчас, но в то же время она пленила их, словно проклятье. Между «гордостью» и «проклятием» существовало тонкое, толщиной в бумагу, различие. Жить ради чего-то или ради становления кем-то... Это давало им цель, но в то же время она не давала им жить по любой другой причине.

Дастин верил, что каждая жизнь привязана к чему-либо. Например, кровь. Или язык, общество или эмоции. Ценности или прошлое, которое привело к настоящему. Насколько бы они не чувствовали себя свободными от оков, окончательно освободиться от них всё равно не получится.

И всё же...

— Когда вы называете себя «восемьдесят шесть», у меня создаётся ощущение, словно более вы никем быть не можете. Вы будто говорите, что не можете даже надеяться на то, чтобы стать другими...

†

Светлана Идинарок. Она была старшей сестрой короля, опережая его возраст на семь лет, и по совместительству тётей Вика. И, как и он, она также числилась Эспером родословной Идинарок. В её гостиной имелось полукруглое окно, элегантно обрамлённое рамой в форме сложенного веера. Через двухслойное окно едва-едва пробивались солнечные лучи с обледенелого сада.

— Я слышала о произошедшем в твоей последней битве, мой дорогой Вик. Скверный выдался бой.

Особые способности родословной Идинарок заключались в проявлении непревзойдённого интеллекта и образа мышления, которые, казалось, игнорировали всякую логику и законы современных технологий. Однако по какой-то неизвестной причине в один период времени мог существовать лишь один человек с такими способностями. Как только рождался ещё один Аметист, другой живущий тут же терял их. Таким образом, этот человек всегда был только один.

Годами Эсперы семьи Идинарок выдвигали множество теорий насчёт причины этого, но никто из них не смог копнуть так глубоко, чтобы наконец решить загадку. Как бы то ни было, человеческий мир содрогается уже от одного Аметиста – будь их двое или трое, и тогда королю было бы чрезвычайно сложно удержать свой трон.

— Я видела, что случилось со Станьей... Его Величество даже побледнел от страха. Хотя он понимал, на какую битву послал тебя, но... Знаешь, тебе бы стоило более беспокоиться о

родителях.

— О, неужели тётя Светлана не беспокоилась за меня?

Губы Светланы скривились в улыбке. Мягкие черты её лица, в совокупности с миниатюрным телосложением, придавали ей вид молодой девушки. Трудно было поверить, что она старше короля.

— Змей семьи Идинарок не так-то просто убить на поле боя. Мы выкапываем всё добро из любого закоулка, чтобы затем проанализировать. Даже когда мир погрязнет в руинах, мы, будучи ядовитыми гадюками, будем и дальше просто наблюдать за процессом. А умереть раньше мира будет для нас величайшим позором... Но если уж ты умрёшь, то я своими собственными руками загребу себе твои останки. Хм, может, сделать мне какую-нибудь побрякушку для волос из твоих рёбер?

Вик безмолвно улыбнулся. Он хорошо осознавал, что сам является змеей, не способной постичь человеческие чувства. Но пред ним была уже Светлана, с любовью глядящая голову собаки, лежавшую у неё на роскошном платье. Вернее, не голову... а череп.

Её покои скрывались глубоко в саду королевского замка, а внутри них находилось немыслимое количество скульптур, будто сделанных из белого коралла или полированных слоновых костей. Птицы, любимые кошки и собаки, и даже бывшие некогда няни.

Казалось, в обмен на превосходный интеллект Эсперы семьи Идинарок теряли чувства этики и сострадания. Лишение прав на трон Вика не было первым в истории Королевства.

Например, активно используемый в замке приёмный зал – большая комната, украшенная крыльями бабочек – был создан первым монархом семьи Идинарок, Аметистом, известным под прозвищем Безумный король. Используя все ресурсы зимней страны, он разводил тысячи и тысячи бабочек в одной из оранжерей, чтобы затем внезапно всех их истребить.

— Будь по-вашему, Тётушка Светлана. Вот и причина, почему я не могу проиграть сейчас Легиону. Я пришёл к тебе с просьбой. Прошу, открой для меня свой оружейный склад.

Светлана с любовью прищурилась.

— Мой дорой Вик, ты всё ещё слишком незрел.

Вик озадаченно уставился на неё. С той же улыбкой на лице Светлана подняла взгляд, из-за чего ресницы стали отбрасывать тень на фиолетовые глаза, у которых оттенок голубого был более ярко выражен, чем у Вика.

— Я ведь знаю, что в глубине сердца ты ненавидишь эту игру в солдата... Лерченлид, кажется,

да? Неужели эта девушка-жаворонок так дорога тебе? Певчая птичка отправилась в мир иной уже давно, но её слова всё также служат тебе оковами.

— Да... Прямо как Отец, что так дорог твоему сердцу, Тётушка Светлана.

Станья. У короля были братья и сёстры, но только одному человеку было позволено обращаться к нему по этому прозвищу – Светлане.

Тётя улыбнулась ещё шире.

— Вот как... Да, похоже на то. Тогда делай и бери всё, что душе угодно. Не могу же я отказать в просьбе сыну моего драгоценного брата.

†

— Большая конференция?

— Да. Детали операции уже ясны, и нам осталось только получить одобрение на этой конференции от Его Величества, премьер-министра и сената.

Шин всматривался в голографическую карту операции. Он никогда не видел подобного в восемьдесят шестом секторе, но за время службы в Союзе уже успел привыкнуть. Он механически повторял за ней, а Лена кивала головой.

— Другими словами, мы должны будем объяснить детали операции высокопоставленным лицам в Объединённом королевстве. Большую часть будет говорить кронпринц, отвечающий за второй фронт, но и мне придётся ответить на пару вопросов. В конце-то концов, я командующий отрядом, что будет возглавлять операцию по захвату горы Дракони́й клык, — Шин на мгновение замолчал, чтобы всё обдумать. — А вот информация со второго фронта... Она должна относиться только к командующему корпусами или, быть может, всей армии. И для... командира батальона её знать не обязательно. Могу же я интерпретировать всё именно в таком ключе?

Не было необходимости в его присутствии, даже если речь заходила о простых формальностях.

— Да... В этой операции также будут задействованы Сирины, скажи, ты не против? Ну... после произошедшего.

— На самом деле я бы предпочёл, чтобы они не сопровождали хотя бы отряд «Остриё копья».

Лена удивлённо взглянула на него. Как бы то ни было, она уже ожидала такого ответа и не могла винить его в сказанном, когда он словно пытался всячески избегать встречи с Сиринами.

— Их присутствие так тяготит тебя?

— Нет, я просто не могу отличить их от Легиона.

Легион использовал жидкие микромашин, сделанные из нейронных сетей погибших на войне, тогда как «мозги» Сиринов синтетически воссоздавались из мозгов тех людей, кого уже нельзя было спасти. Однако последние мысли были у всех у них. Способность Шина не позволяла как-то различать голоса, из-за чего он воспринимал их одинаково – как призраков.

— Сбивает с толку, особенно во время ближнего боя... Хотя я могу привыкнуть к некоторым голосам спустя какое-то время. Поэтому будь это возможным, я бы всё же предпочёл назначение их в стан либо другого отряда, либо как разведки для нашего.

— ...

Лена тяжело вздохнула.

— Я же не это имела в виду. Мой вопрос не о том, повлияют ли они на операцию. Он касается лично тебя.

Шин моргнул от неожиданных слов. Даже если она переформулировала свой вопрос...

— Они похожи на Легион... Я уже привык.

Способность Шина позволяла слышать голоса призраков на очень большом расстоянии, и он постоянно улавливал многочисленные машины Легиона. Несколько дополнительных голосов в этой какофонии почти никак не скажется на общей нагрузке на разум. Что-то подобное встречалось у людей, живущих рядом с морем – спустя некоторое время они переставали слышать шум волн. По этой же причине Шин почти не чувствовал веса бремени голосов, лежащего на его плечах.

Лена молчала. Всего мгновение, но в тишине чувствовалось напряжение.

— Шин, ты всё время говоришь так, но... После битвы в подземном вокзале Шарите ты тут же заснул. То же самое произошло после захвата базы.

— Так во время операции в Шарите в бой вступили гончие, что увеличило громкость, так что... И не то чтобы у меня были проблемы со сном ночью.

По ночам он действительно спал как убитый, что служило ещё одним доказательством его усталости.

— Знаю, но, опять же, я не это имела в виду... Я просто беспокоюсь, потому что ты никогда не говоришь мне о том, устал ты или нет, — затем Лена замолкла и вздохнула, будто собравшись с духом. — Недавно я переговорила с Лерче.

В ответ на внезапно упомянутое имя выражение лица Шина окаменело. Лерче. Она и остальные механизированные птички, одержимые стенаниями мёртвых. Он вновь вспомнил гору обломков, состоящую из их тел. Смех эхом раздавался в его ушах.

А затем он вспомнил сказанные ею слова.

«Ты всё ещё живёшь.»

Его гордость рано или поздно приведёт к горе трупов... И даже для солдата эта гордость была лишь поводом.

«У тебя ещё есть возможность найти совместное счастье.»

В её поведении произошла разительная перемена, застигнувшая его врасплох, но он всё равно не мог отрицать эти слова.

«Правда в том...»

В сознание Шина пришла ещё одна мысль, но в самый последний момент он загнал её в угол. Ему не было позволено даже думать над этим.

«Ведь если я начну размышлять...»

— Она сказала, что вы на самом деле не хотите быть на поле...

— То же самое можно и про тебя сказать, Лена, — резко оборвал он её.

Он не хотел об этом думать. Более того, он не хотел слышать эти слова от Лены. Он не хотел появления сомнений с её стороны насчёт его гордости. Сражение до самого конца было всем для «восемьдесят шесть», и он ненавидел саму идею о том, что Лена — что все остальные — начнут сомневаться в этом. И даже если сомнения распространятся среди самих «восемьдесят шесть», даже поняв всю бессмысленность их гордости... она была всем, что у них есть.

Прервав её, Шин только пришёл к осознанию, что свою мысль он продолжить не может. Однако он всё равно воспользовался возможностью и продолжил:

— Лена, скажи... У тебя возникали мысли, что ты больше не хочешь сражаться?.. Нет, я

понимаю, ты добровольно выбрала этот путь, но...

Он быстро поправил себя, как увидел опустевшие на мгновение серебряные глаза. Шин ничего не знал о ней... Он даже не предпринимал попытки понять её. Он понял это ещё в заснеженной крепости. Чего на самом деле она желала? За что она сражается? Почему до сих пор не сдалась и не перестала верить в человечество?

Шин хотел узнать ответы на эти вопросы.

— ...И всё же ты также видела осадный мост. Видела падение Республики... Не приходила ли тебе мысль, что с тебя уже хватит? Не возникало чувства, словно тебе уже всё равно?... И если нет, то... почему?

Лена знала, насколько жестокими и ужасными могут быть люди. Она знала и о злобе мира, и что само человечество не было таким уж прекрасным. И всё же она не отказывалась от них.

— Потому что... М-м-м, ну, это из-за того, что в мире есть то, что достойно любви?

Он на секунду заколебался. Ему было тяжело выговорить эти слова, ведь для него они были пусты.

Шин также знал о доброте и порядочности людей – тот же священник, постоянно оберегавший мальчика и его брата в лагере для интернированных в восемьдесят шестом секторе; капитан его первого отряда, сражавшаяся с ним на одной стороне*, но в итоге погибшая с оставленной ему задачей нести за собой всех товарищей; его друг из специальной офицерской академии, чья цель в сражении заключалась в его сестрёнке; офицеры Союза, подталкивающие его вперёд, даже если это заводило их в глубины вражеской территории.

[П/П: Минута саморекламы. Об этом капитане вы можете почитать в Истории первой из серии «Этапы Неотения», доступной пока только на рулейте: <https://tl.rulate.ru/book/36621>.]

Шин думал о них лишь как об исключении из правила, но он знал – Лена думала иначе. Быть может, в этом и заключалась разница в том, как много доброты человечества они повидали. Или, возможно, различались сами пути, которые и привели их в одно и то же место.

Лена пару раз моргнула в удивлении от неожиданного вопроса, а затем радостно наклонилась вперёд.

— С чего это ты вдруг?

— ...Ты сама завела об этом разговор, Лена. Ты спрашивала, смогу ли я когда-нибудь полюбить этот мир.

— Прости, я просто немного удивлена, что ты так внезапно заговорил об этом, но... Рада, что мы наконец можем поговорить... — произнесла она и улыбнулась. — Дело тут не в том, что в мире есть достойные для любви элементы. Просто красота мира перевешивает его уродство. Достоинство затмевает недостатки, что позволяет мне любить. Я не потеряла надежду не из-за того, что не испытала на себе жестокость, а...

Лена попыталась подобрать нужные слова.

— ...Я просто хочу верить... Верить, что этот мир может принести счастье для людей, подарив им мирную жизнь.

Шин не ожидал от неё услышать эти слова. Она видела красоту мира, которую он не мог постичь, не из-за того, что в своё время получила больше доброты.

— Хочешь верить, значит...

...Верить в прекрасный мир, находящийся где-то очень далеко.

— Да. Я хочу быть счастливой. Я хочу, чтобы каждый также был счастлив. И я не хочу жить в мире, где этого не может произойти и все подвержены бессмысленной злобе. Я ненавижу такой мир и поэтому...

Мир, наполненный добротой. Мыслями он вернулся к моменту, когда они стояли вместе под звёздным небом в заснеженной ночи. Она говорила, словно молилась, о мире, где доброта вознаграждается.

Но её желание не состояло в вознаграждении всех добрых людей, а всех в равной степени, чтобы они познали счастье.

— И поэтому... Я не просто не отказываюсь от мира. Я не хочу от него отказываться. Не хочу признавать, что поле боя и отношение Республики к восемьдесят шестому сектору есть истинное лицо человечества. Или что этого никак не изменить. Ведь тогда никто не найдёт своего счастья. А я хочу его... и хочу, чтобы ты также был счастлив.

— ...

Однако Шин не мог думать в этом направлении. У него не было будущего, которого он желал. Он мог жить и не ставя перед собой цель обрести счастье. Он решил сражаться ради того, чтобы показать Лене море, но, вероятно, это отличалось от её идеала. Он не желал ни будущего, ни счастья, и поэтому отпадала необходимость веры в этот мир.

Пропадала причина любить его.

Ему стало казаться, что оба они кардинально отличались друг от друга. Не в смысле пережитого им или путей, которые они выбрали, а сами взгляды на жизнь и способы взаимодействия с миром слишком разнились. Образ бытия, личные обстоятельства... каждый аспект их жизни не походили друг на друга как ночь и день.

Лена сказала ранее, что он наконец затронул эту тему. И, быть может, так оно и есть – он попытался понять другую сторону. Однако ответы на его вопросы лишь сделали разрыв между ними более очевидным. Они находились слишком далеко друг от друга, чтобы начать понимать... Далеко настолько, что даже протянутые руки не помогут им соприкоснуться друг с другом.

Шин не мог знать, что Лена пришла к такому же заключению после операции в подземном лабиринте Шарите. Сражаясь на одном поле боя, между ними всё равно проходила стена.

Лена улыбнулась, не подозревая о внутренних переживаниях Шина. Её улыбка больше походила на нежный цветок. Будто серебряный лотос, горделиво расправивший цветки посреди грязи.

— И поскольку я хочу, чтобы ты испытал счастье... я буду продолжать верить в этот мир. Потому что я люблю его.

В таком случае он будет надеяться, что то счастье – удовольствие, которое ему никогда не удастся постичь – будет даровано миру, который она полюбила...

†

Лену насторожило раннее прибытие эскорта Вика, ведь до большой конференции было ещё достаточно много времени. Затем её насильно вогнали уже в другой зал, полный ожидающих придворных дам.

— Э, Вик?

Она быстро нашла его, одетого в простую форму Объединённого королевства, разве что в этот раз она была подготовлена специально для церемонии. Лычек при нём не было, однако на груди красовались медали и ордена, а от плеча по диагонали тянулась праздная лента. На лацкане также имелась эмблема Объединённого королевства, единорог, вместо простого значка.

— Это ведь... конференция, да?

— Ага.

Он буднично кивнул, а Лена прикрикнула на него со слезами на глазах:

— Тогда на кой я должна носить его?!..

На ней было платье, вышитое в изящной манере из полупрозрачной ткани, с длинным, роскошным подолом. Серебряная прозрачная ткань безупречно дополнялась подкладкой цвета лазурита. Декольте и длинные рукава были усеяны хрустальными бусинками в виде хвоста павлина – они сверкали при каждом движении.

Хотя ей это платье казалось очень роскошным и красивым, она совершенно не понимала, зачем её заставили в него нарядиться. Вместе с этими блестящими бусинками весило оно примерно столько же, сколько и её обычная форма. Подол платья по длине также совпадал с её юбкой, но в этом наряде ей было беспокойно.

Суетливость, однако, на этом не ограничивалась; нынешние каблуки были тоньше и выше тех, к которым она привыкла. Шёлковый подол платья колыхнулся и звякнул.

Вик озадаченно взглянул на Лену.

— ...Кто бы мог подумать, что ты будешь так хорошо выглядеть в нём. Что, ты чем-то недовольна? О, должно быть, ты просто разочарована из-за того, что Ноузен не может запечатлеть твою красоту. Я могу позвать его и...

— Не в этом дело! П-причём тут вообще Шин?! Нет, я другое спрашиваю! Почему я иду на военную конференцию в платье вместо моей формы?!

— ?.. Для женщин в армии вполне естественно надевать платья на официальные мероприятия. Хотя это и будет военная конференция, но на неё также придут мой отец и брат. Вернее, она теперь близка к имперскому совету, нежели военному.

Судя по тону голоса, он вовсе не пытался подшучивать над ней. Он, скорее, даже не понимал, почему она спрашивала его о таком. Другими словами, в Объединённом королевстве официальным нарядом для женщин – даже если она была военной – считалось платье. Быть может, это что-то вроде исторической традиции в этой стране, ведь они никогда не посылали солдат женского пола на поле боя, вместо этого давая им роль высокопоставленных офицеров.

Но... приходить на военную конференцию в разукрашенном платье?..

Лена приходилась дочерью уже бывшей аристократической семьи, поэтому к платьям она привыкла. Но военная форма и этот наряд сильно разнились между собой: каждый из них подходил только к определённому событию и требовал от человека определённое эмоциональное состояние. Лена просто не могла представить себе присутствие на военном собрании в вечернем платье.

— Полковник Вензель!..

Она решила обратиться за помощью к Грете, мелькнувшей на периферии зрения, но та лишь пожала плечами, будучи одетой в серое платье. Она взяла с собой сразу несколько, ведь ей необходимо было время от времени встречаться с королём. Сейчас на ней было одето платье с высоким воротником и коротким подолом, что создавало впечатление власти и мужественности.

Скажи кто Лене перед отъездом об этом, она бы также подготовила похожее платье. По крайней мере, оно больше походило на форму.

— С волками жить – по-волчьи выть, как говорится. Последнюю операцию мы провалили, так что лучше всего избегать всего того, что могло бы вызвать презрение с их стороны по отношению к нам. Кстати, мило выглядишь.

— ...О, так в Республике и Союзе женщины предпочитают платье форму на подобные мероприятия. Вот, значит, почему ты, Иида и Розенфолт при первой нашей встрече были одеты именно в официальную военную одежду.

Вик, похоже, всё-таки осознал разницу в культурах. Будучи удовлетворённым ответом, он кивнул.

— Ну, да, на официальных мероприятиях и церемониях мы действительно носим исключительно форму, Ваше Высочество. Но вот, например, на различные празднества женщины уже принаряжаются: например, на свадьбу.

— Понятно. Тогда платье хоть не пропадёт, ведь шили-то мы его на заказ... Миризе, можешь оставить его себе и вернуться с ним домой. Уже представляю его великолепие, когда ты сможешь найти кого-то для сопровождения.

— Кого-то для...

Лена тут же покраснела. Если это не родители, значит сопровождать девушку в платье будет...

...её парень или муж.

— Н-никого у меня нет!

— Ну, пока не найдешь. Точнее... — Вик с сомнением взглянул на неё. — Слушай, не думал, конечно, что это возможно, но не говори мне, что ещё ничего не поняла?

— Не поняла что?!

— Ясно, значит нет. Прискорбно, надо сказать... Или, скорее, раздражает. Только подумать,

что вы оба такие...

Вик покачал головой. Сетовал он на то, чего Лена просто не могла понять... или отказывалась понимать.

□

Высшие чины хоть и были постоянно чем-то заняты, но от предстоящей операции зависело будущее Объединённого королевства. Наконец, после длительного обсуждения деталей наступил перерыв.

Лена вздохнула, сидя в углу большого конференц-зала. Большинство людей уже покинули это место, а в зале решили остаться немногие. Грета в данный момент занималась обменом информации с военными офицерами, тогда как Вик, сказав о незаконченном деле с тётей, ушёл.

Казалось, никто не желал говорить с офицером из Республики, – страны, находящейся на последнем издыхании, – а также человеком, чей отряд потерпел поражение. Конференция была созвана самим Его Величеством королём, поэтому в большинстве своём здесь присутствовали высокопоставленные военные. Естественно, она нервничала.

В этот момент кто-то подошёл к ней, но остановился рядом, сохраняя между ними дистанцию.

— Мои извинения, миледи. Не окажете ли Вы мне честь побеседовать с Вами?

— Да, конечно... — ответила Лена.

Она повернулась лицом к подошедшему человеку и тут же застыла.

Он носил тёмно-фиолетовую форму, на которой вместо лычек находилась эмблема единорога – символа Объединённого королевства. Красновато-каштановые волосы были стянуты длинной лентой и скреплены изумрудной заколкой. Последнее, но не по важности – на неё взирала пара императорских фиолетовых глаз, к которым она уже смогла привыкнуть.

— В-ваше Высочество кронпринц!..

— Это я, но, прошу, не волнуйтесь так. Я пришёл сюда поблагодарить Вас от лица старшего брата за поддержку Вика. Мне бы ещё хотелось то же самое проделать с командующим операциями «восемьдесят шесть», но к несчастью, подобная конференция не позволяет мне сделать это.

Кронпринц Зафар улыбнулся ей. Он и Вик были рождены от одной матери, поэтому оба имели

схожие черты. Однако Зафар более напоминал взрослого мужчину по росту и плечам, а спокойное выражение лица в некоторой степени демонстрировало мудрость.

— Уверен, он уже смог навлечь на Вас много каких неприятностей, включая также приход на эту конференцию... Парень он непредсказуемый, но буду хотя бы надеяться, что вы сможете поладить.

Сказанные им слова, вместе с улыбкой на лице, удивили Лену. Почему-то они напоминали ей Рея, когда она встретила его много лет тому назад.

— Ваше Высочество, а вы...

— Зафар, меня вполне устроит этот вариант, полковник Миризе.

— ...Принц Зафар, а как вы, ну, относитесь к принцу Виктору?

В семье Идинарок Вик относился к фракции Зафара, когда речь заходила о борьбе за власть. Вик, судя по всему, уважал и принимал своего брата по материнской линии. Лена знала об этом. По крайней мере, такое мнение у неё сложилось, исходя из манеры разговора Вика с ним. Но она не могла с уверенностью сказать, что думает Зафар о своём брате.

Несмотря на наличие традиции в Объединённом королевстве, они всё равно посылали мальчика в возрасте десяти лет на поле боя, где во время чрезвычайной ситуации его могли там бросить. Кроме того, делалось это не с целью вернуть права на трон.

Какая-то часть Лены считала, что королевская семья относится к Вику – человеку, создавшего оружие, противоречащее человеческой морали, Сиринов – как к способному, но отвратительному парню.

Но только взглянув на выражение лица человека, стоявшего перед ней...

— Любимый младший брат... Хотя для прибывших с других земель он всё-таки может показаться несколько странным.

— ...

Слово «странный» и близко не описывало истинного его.

— Хм-м, ударный отряд теперь действует сообща с Сиринами Его Высочества принца Виктора, так что...

— А-а-а, да, верно. Я-то уже привык к ним, но... Да, я понял, — Зафар на секунду замолчал. — Полковник, а вы знаете про катастрофу Вавилона?

Вопрос заставил Лену впасть в ступор своей неожиданностью, и тем не менее, она слегка кивнула.

— ...В той мере, в которой нас обучают в школе.

Давным-давно человечество вело строительство огромной башни, чтобы достать Бога на небесах. Это стремление навлекло на себя гнев Божий, повлёкший за собой проклятье: люди теперь говорили на разных языках. Появилось множество различных языков, на почве чего происходили конфликты.

Эта история из Ветхого Завета. Три столетия назад, когда Республика распустила королевскую семью, был написан запрет и на религию, которая служила в качестве основы для королевского мандата. В результате, большинство библейских историй не рассказывалось. Многие в Республике не знали о происхождении Рождества, хотя люди праздновали его ежегодно.

— В добиблейской мифологии человечество построило башню, чтобы их молитвы достигли небес. Боги, однако, ошибочно посчитали, что те собираются провести нападение, поэтому тут же проклинали их. Даже Богам порой тяжело понять друг друга, что уж говорить про таких несовершенных существ, как люди. Иронично, надо сказать... Так вот, о чём это я...

Зафар замолк, взглянув на небо. Он словно взирал на башню, построенную из желаний людей где-то в далёком месте.

— ...Я считаю поразительным тот факт, что люди стали озлобленными только из-за того, что перестали понимать друг друга. Это значит, что даже когда они общались на одном языке, истинного доверия между ними не существовало.

У человечества имелась тенденция к распрям, но проистекала она не из способности говорить или соглашаться с чужим мнением. Недоверие, вот в чём крылась причина. Они могли находиться вместе, но никогда не находили что-то достойное доверия.

Лене его слова были подобно ножу в сердце. Зафар, однако, говорил без всякого умысла. Он не мог знать о взаимоотношениях между Леной и Шином, ведь никогда ранее не встречался с ним. Но ей всё равно казалось, будто он говорил именно про них двоих.

— Даже если два человека разговаривают на разных языках, их желания будут схожи. Зная об этом, они будут доверять друг другу даже после потери способности к общению... То же верно и про нас. Он, может, и хладнокровная гадюка, но я буду отвечать взаимностью на его привязанность ко мне, как к старшему брату. По крайней мере, в это чувство поверить я могу.

Пусть даже Вик полностью отличается от него.

— Да, он может не понимать причину грусти или печали людей. И всё же он точно знает, когда Отец и я расстроены чем-то, поэтому старается не причинять нам горе... Для меня этого достаточно. Между нами существует различия в логике и ценностях, но он по-своему привязан ко мне... Драгоценный младшенький брат.

— ...

А что же с Леной?

«И из-за этого мне... очень грустно.»

Шин и остальные «восемьдесят шесть» окончательно отказались от мира, приняв его за жестокое, бессердечное место. У них больше не было доверия к нему, и они ничего от него уже не ждут. Отказались они также и от радости, что ещё теплилась в их воспоминаниях, и от счастливого будущего, которого, быть может, они когда-то желали.

Из-за этого Лене было грустно. Но больше её печалило непонимание Шина относительно причины её грусти. Он вёл себя как невинный монстр в человеческом облике, что лишь увеличивало пропасть между ними. Ей было больно, и она начала задаваться вопросом: а смогут ли они когда-нибудь прийти к взаимопониманию?

«Я хотела, чтобы он стал понимать меня. Я желала, чтобы он был хоть немного похож на меня...»

Она невольно начала думать именно в таком направлении. Лена для себя решила понять «восемьдесят шесть», но ничего для этого не предприняла. И даже если бы ей не удалось прийти к пониманию, она всё ещё могла хотя бы уважать их выбор.

Но вместо этого она хотела, чтобы они поняли её. Одностороннее требование и...

«А это очень надменно с твоей стороны.»

Надменно. Самодовольно и уколобо...

— ...Принц Зафар.

Она прикусила покрашенные румянами губы, отчаянно пытаясь не выдать дрожь, из-за чего её голос звучал неестественно. Зафар решил любезно проигнорировать это.

— Да?

— Раз ваши характеры так сильно разнятся... Как вам удаётся держаться вместе?

— О, ответ на этот вопрос прост. Где-то я могу пойти на компромисс, но в другой сфере стою на своём. Я могу в чём-то с ним согласиться, но в другом заставляю его придерживаться моего образа мышления. Оба мы понимаем друг друга и поэтому можем прийти к соглашению. Собственно, так люди и должны взаимодействовать... Правда, у нас ушло на это годы.

— Вот... как... Понятно.

Между ними есть пропасть. Они могут видеть миры по-разному. Но если они приложат усилия для появления понимания друг друга, рано или поздно она сможет стоять с ним плечом к плечу.

Было так же и то, во что она уже сейчас верила... То, во что она могла поверить ещё тогда, два года назад, когда они не встретились лицом к лицу. Когда угнетатель и угнетаемый всё ещё были их ролями... Когда разделяла их непреодолимая бездна.

Под рукавами своего платья Лена стиснула кулаки.

— Спасибо вам, Ваше Высочество.

— Правила приличия требуют от меня сопроводить Вас к баракам, но, к сожалению, у меня ещё остались тут дела. Я уже позвал эскорт, так что побудь рядом с ними.

Большая конференция для Лены подошла к концу. Вик повёл её не через выход, ведущему за пределы территорий дворца, а по дороге. Это была небольшая вымощенная дорога, проходящая посреди сада, и вела она к императорским покоям, где расположилась ударная группа.

В отличие от яркого и тёплого окружения в замке, в этом месте на сад опустилась холодная атмосфера зимней ночи. Но несмотря на мороз, Лена остановилась на перепутье между внутренней частью дворца и садом, чтобы осмотреться.

На удивление ночь была довольно яркой; на небе можно было увидеть бесчисленные звёзды. Лена смотрела на них вместе с Шином до захвата базы Ревич. Казалось, тогда он хотел что-то сказать ей, но промолчал. Она думала, что он всё же расскажет ей о терзающих его мыслях, однако сразу после произошло осадное сражение, и больше они к этому не возвращались.

Что тогда пытался сказать ей Шин? О чём именно он хотел поговорить с ней?

«...Будет ли правильным спросить его рассказать?..»

Вик тихо воскликнул. Лена была так сосредоточена на небе, но Вик заметил кое-кого на снежной тропе. Судя по всему, его зрение обладало способностью видеть во тьме, как у кота. Словно гадюка, видящая мир по-своему и не полагающаяся на свет.

— Вот и он. Ладно, Миризе, отдохни хорошенько.

Он не планировал говорить с приближающимся человеком, поэтому развернулся и быстро ушёл. Из-за толстого ковра его шагов не было слышно. Лишь по шороху одежды и исчезающему запаху одеколона она определила, что тот уходит.

А сразу после этого до её ушей достигли лёгкие шаги, похрустывающие из-за снега. Как бы тот не старался не издавать шум, даже он не мог избежать хрустящего снега при ходьбе.

Увидев приближающуюся фигуру на фоне звёздного света, выражение лица Лены просветлело.

— Шин!

□

— Шин!

Шин взглянул на Лену; заметив его во тьме сада, она прямо воссияла. Он остановился.

«...А-а-а.»

Внезапно он кое-что понял. Почему именно сейчас? Быть может, причина крылась в свете, казавшимся слишком ярким для его глаз из-за привыкания к темноте ночи. А, возможно, он впервые увидел её в платье и подобном макияже, а не в обычной военной форме.

Он не мог сказать причину, но именно сейчас он осознал это. Она находилась не на поле боя или военной базе, а в месте, удалённом от огня войны. На ней была не форма, а платье, предназначенное для мирного времени.

Он вдруг вспомнил о глубине бездны, что разделяла их. Они видели мир по-разному. Они мечтали о разных мирах. Другими словами, даже нынешний мир, в котором они существовали, для них различался.

□

«Лене я не нужен.»

□

Сейчас она была той, кем и должна быть. Лена по сути своей – не часть хаоса поля брани, а спокойного мира. Она заслуживает жить в мире, свободном от раздоров.

А вот поле боя не её стезя. Она не должна знать о борьбе и выживании... Абсурдность войны даже близко не имела к ней отношения.

То же касалось и Шина, знавшего лишь войну и беды, которые она приносила; его место не рядом с ней. Он знал только о сражениях, а его истинная личность полностью раскрывалась посреди боя. Несмотря на решимость сражаться до самого конца, он не мог даже представить себе, что лежало за этой, казалось, нескончаемой войной...

Он не мог представить себе воображаемый Леной мир. Он хочет показать ей море... Но только в мыслях он представлял себе своё будущее рядом с ней. Лене для жизни он был не нужен.

Напротив, его присутствие причиняло ей боль. Она желала всем испытать счастье, но он не мог даже сформулировать своё собственное представление о счастье. Его образ жизни может послужить орудием, которое навредит ей.

Она пару раз говорила об этом, но Шин не мог понять чувств, скрывающихся за её словами:

«И из-за этого мне... очень грустно.»

Лене было больно, потому что он не мог желать себе будущего, а возникшее недопонимание лишь увеличило пропасть между ними. Он не пытался даже понять её... Не пытался сблизиться с ней.

Она грустила из-за него. Ей было больно из-за него. И всё же он продолжал причинять ей боль.

Волки не могут жить среди людей. Монстр поля боя, выживший только благодаря тому, что переступал через горы трупов, и запятнанный жестокостью этого мира, не мог стоять плечом к плечу с символом непорочности.

Они мечтали о разных мирах... То же самое касалось и тех, в которых они жили в данный момент.

Он вдруг понял эту тревожную истину. Они с самого начала не могли стоять на одной стороне.

□

Лена предполагала, что будет очень нервничать, но умственная усталость давала о себе знать. Напряжённо улыбнувшись на вернувшийся в её сторону взгляд, она поспешила вниз по каменным ступенькам, что вели в сад. Быть может, Шин заметил неуклюжую походку по заледеневшей дорожке, поэтому двинулся навстречу ей.

— Ты пришёл за мной.

— Ага. Хотя это всё ещё считается территорией замка, но время уже позднее.

В этом отстранённом голосе чувствовалась по какой-то причине ностальгия, хотя не виделись они всего несколько часов. Один из стражников выбежал из дворца, неся с собой пальто, которое она забыла внутри; благодаря помощи Шина, она надела его поверх платья. Затем Лена обернулась. Его белое, мраморное лицо отдавало немного больше холода, возможно, из-за снега.

— Прости... Я заставила тебя ждать.

— Ни капли, — ответил он кратко.

Словно Шин беспокоился за Лену, которой пришлось бы тащиться по обледеневшей дороге на высоких каблуках, он заколебался на мгновение... Нет, на самом деле прошло много времени, прежде чем он робко протянул свою руку. Этот жест заставил Лену врасплох... Она, конечно, понимала, что протягивать руку в подобные моменты считается признаком джентльмена, но...

«В этом же... нет ничего... непристойного?..»

На светских мероприятиях Лена была, скорее, тихоней. Её никогда не сопровождали таким образом. Тем не менее ей всё же на самом деле было трудно идти по этой дорожке на каблуках... Поэтому, собрав всю смелость, что у неё имелась, она приняла этот жест.

Она потянулась к его руке – робко, нерешительно. Лена не могла решиться схватиться за руку, поэтому начала держаться за рукав. Затем Шин пошёл вместе с ней. И всё же Шину было тяжелее сопровождать так девушек, нежели Лене идти рядом с парнем, в результате чего их походка выглядела чрезвычайно неуклюжей.

Снег хрустел под их ногами. Казалось, Шин подстроился под темп Лены, потому что шёл он теперь медленнее своего обычного шага. Более того, как правило он передвигался бесшумно, но сейчас, слушая как его шаги синхронизировались с её собственными, она чувствовала некоторое удовлетворение.

Верно. Шин подстраивался под неё.

Он всегда приглядывал за ней, а она не замечала этого... Постоянно протягивал ей руку. В то

время как Лена стояла на одном месте, парализованная пропастью между ними... он продолжал говорить с ней и пытался понять, несмотря на огромное различие.

Она хотела ответить на его чувства.

— Шин, если...

Она уже говорила об этом много раз. Ещё тогда, когда они находились в сотнях километрах друг от друга, разделённые стеной Гран-Мюр. Ещё до того, как она узнала его имя или лицо... или судьбу уготованной ему смерти. А затем после воссоединения, думая, что он наконец оказался свободен от неминуемой судьбы.

— ...война закончится... Нет, ещё даже до её окончания... Есть ли то, чего бы ты хотел сделать? Или, может, куда пойти? Что-нибудь увидеть?

Выражение лица Шина оледенело. Он заговорил сквозящим холодом голосом:

— Снова за своё?

Он искренне ненавидел говорить об этом...

Эти вопросы словно обвиняли его. Конечно, Лена не хотела этого, но звучали они именно так. Она будто говорила ему, что печалится как раз из-за его отказа от мира, что он не может видеть его таким же, каким его видит она.

Шин вздохнул и вновь заговорил своим будничным, отстранённым голосом. И хотя он отталкивал, в то же время в нём чувствовалась неопишуемая боль.

— ...Нет, ничего. Как я и говорил, я не считаю этот мир прекрасным местом.

— Да, я понимаю... каков мир в твоих глазах, — робко произнесла Лена слова, в которые отказывалась верить до сих пор.

В этом мире для Шина не осталось ничего, во что бы он верил. Ему больше не на что было оглядываться. И она также не могла винить его за это... Как бы грустно ей ни было, никто не имел право порицать его виденье мира после прожитой жизни.

Лишённый семьи, дома и свободы, в конце пути его ожидала только смерть. Его мир полон уродства. И теперешний он – единственный возможный исход, при котором человек окончательно не отказывается от мира. Для него в жизни не было ни капли прекрасного.

Лена считала подобное мировоззрение чересчур мрачным, но... сказать, что он ошибается, она не могла. В конце концов, так к нему отнёсся мир.

«Эти шрамы для тебя гордость.»

Шрамы. Лена и Республика оставили в его сознании глубочайший шрам. Стоя под звёздным полотном в Цитадели, она не могла просто попросить его избавиться от этих шрамов. Нельзя так бессердечно отнимать их у него, даже если они приносят ему неопишемую боль.

Эти шрамы были частью Шина – того, кем он является сейчас. Возможно, поскольку они демонстрировали то, как много у него отняли, для Шина шрамы имели большее значение, нежели Лена считала. Тогда ей нужно принять их и отчаяние, как часть его самого. Между ними существовала пропасть, но она определяла Шина как личность... Она не могла проигнорировать этот факт.

В нём что-то было; то, во что она могла поверить. То, что она знала ещё со времён восьмидесяти шестого сектора... до их встречи лицом к лицу. В его волю. В гордость. В озорство ребёнка, которое он демонстрирует время от времени, а также действия, подходящие его возрасту. В доброту, о которой он, казалось, даже не догадывался... так сказать, другая сторона его хладнокровной натуры.

Лена решила поверить в нее. Быть может, они не смогут прийти к взаимопониманию в различных аспектах, но несмотря на расстояние между ними, она поверит в эту часть его.

— И всё же...

□

— И всё же...

Шин не мог сосредоточиться на том, что говорила Лена. Он внезапно погряз в своих мыслях. Вопрос Лены непреднамеренно нанёс ему порез.

«Есть ли что-нибудь, чего бы ты хотел сделать после окончания войны?»

Она уже спрашивала Шина об этом несколько раз, а он не мог найти ответа на вопрос. И дело было не в том, что он ничего не хотел – он хотел, но не мог решиться рассказать.

«Я хочу показать тебе море.»

Но это было его желание, которым он не мог поделиться с Леной. Он вдруг понял, что стал причиной её боли. Останься он рядом с ней, это причинит ей ещё больше страданий. Он не мог

продолжать идти рядом.

Вот почему Шин не мог дать ей правдивый ответ. Он также не мог схватиться за протянутую ему руку. Желание Лены, чтобы все испытали счастье, он выполнить не мог. Он лишь бремя на её плечах.

«Показать тебе море... Теперь я не могу надеяться на это.»

□

Лена и Шин погрузились в свои мысли, перестав обращать внимание на ноги. И как следствие...

— А-а-а?!..

Шин вернулся к настоящему сразу, как девушка с серебряными волосами, истерично вскрикнув, начала падать на землю.

— Лена?!

Несмотря на всего мгновение, прошедшее с тех пор, как Шин пришёл в себя, он успел рефлекторно схватить её только благодаря своей сверхчеловеческой реакции. Тем не менее он заколебался. Всего на чуть-чуть, но он испугался прикосновения к ней. И из-за этого он неловко прижал к себе.

На краю зрения мелькнули осколки прозрачной синевы. Ступив на лёд, они банально поскользнулись. Шин спросил у девушки, всё ли с ней в порядке. Лёд был достаточно твёрд, чтобы не сломиться под их весом, а Лена прошлась по нему на каблуках.

— Ты в порядке?... Лодыжку не потянула?

— В п-полном. Д-думаю, что в порядке.

В этот раз она ответила более звонким голосом, и Шин не понял почему. Даже больше – он не заметил разницы. Лена и так находилась довольно близко к нему, а сейчас он прижимал её к себе, чтобы та не упала. Другими словами, его руки обвились вокруг спины, поддерживая её.

— Ты точно в порядке? Будь это растяжение, например, боль может прорезаться чуть позже... Если не уверена, я сейчас же понесу тебя в бараки.

— Н-не надо! В порядке я, в полном... Шин, я... могу сама уже стоять.

Теперь уже услышав её тоненький голосок, Шин понял, в каком положении они находились. Нос уловил аромат фиалковых духов.

— А, прости!..

Он поспешил отпустить её, но только после бессознательного подтверждения её устойчивости на ногах. Шин беспокоился, что каблуки могут надломиться.

Лена опустила голову, а румянец на щеках проступил ещё сильнее. Воцарившееся напряжённое молчание длилось дольше, чем он ожидал, что несколько беспокоило его. Но в тот момент, когда он уже думал вновь извиниться, Лена внезапно залилась смехом, так похожим на дребезжание колокольчика.

— П-прости, но!..

Она продолжала смеяться, наклонившись вперёд. Шин вскоре не выдержал и решил спросить:

— Что-то не так?

— Нет, ничего, просто... Ты такой добрый.

Шина озадачили эти слова. Он не мог понять, как его действия или сказанное им хоть как-то подходило под описание доброты.

— Кажется, словно ты ни на кого не обращаешься, но вместе с этим никогда не перестаёшь заботиться о других и не бросаешь их на произвол судьбы... И ты всегда помогал мне таким образом.

— ...Преувеличиваешь.

— Нет, ни капли. И даже сейчас...

□

— Ты ведь словил меня. Ты беспокоился, не получила ли я травму. Ты присматривал за мной, — говорила Лена, смахивая проступившие слёзы из-за смеха.

А он даже не замечает этого... Помощь остальным стала для него настолько естественной, что он не придаёт ей значения и не воспринимает это за доброту.

«Да. Вот поэтому-то я и могу поверить в тебя...»

Вот почему она могла и дальше желать ему истинного счастья, даже узнав, что тот на это не способен.

— Шин, я бы хотела начать с самого начала... Я не буду пытаться говорить, что мне грустно. Забирать свои слова назад, конечно, не буду, но говорить об этом не собираюсь. Просто...

Она не собиралась отказываться от своих слов... Но если из-за этого выражение лица Шина искажается болью, она не станет говорить их снова. И всё же у неё было кое-что, что она хотела высказать в данный момент.

— Пусть даже твой мир не так уж и прекрасен... даже если люди – жестоки... если ты всё ещё можешь найти надежду, несмотря на это...

Шин говорил, что способен жить и без желаний. Что даже без своего прошлого он остаётся тем, кем является сейчас. Но если однажды настанет момент, когда надежда вновь вернётся к нему...

— Если ты ещё можешь найти в этом мире что-то для себя... то я бы хотела сказать тебе вот что – тебе позволено желать, несмотря на жестокий и бессердечный мир. Мы уже не в восемьдесят шестом секторе. Твои желания могут исполниться. Просто я... хочу, чтобы ты помнил это.

«Всё нормально, если ты говоришь, что не нуждаешься в желаниях. Да, я хочу, чтобы ты начал мечтать о чём-то, но сейчас это не так важно. Но чего я не хочу, так это твоих упреков в свою сторону, якобы ты не имеешь право хотеть что-либо для себя.», – хотела она сказать, но губы продолжали шевелиться сами собой, из-за чего выражались её личные пожелания. Лена не знала, будет ли она стоять плечом к плечу с Шином в тот момент, когда у того появится надежда, но бессознательно ей хотелось остаться с ним.

— И если ты не будешь против... я бы хотела, чтобы ты поделился своими желаниями со мной, когда это время настанет.

□

Шин потерял дар речи, увидев расцветающую улыбку Лены. Она не знала о его желании, но поэтому и могла высказаться подобным образом. Говорила она как ребёнок, описывающий свои собственные мечты о будущем.

Но...

— Тебе позволено желать.

Было ли так на самом деле? Он наконец смог найти свою мечту... причину сражаться. Показать ей море. Показать ей то, чего она ещё не видела, чтобы вновь увидеть её улыбку.

Он правда мог желать это? По крайней мере, такая надежда у него появилась.

Его удивили эмоции, что поднялись из глубин сердца, и тогда он осознал – он хотел иметь надежду. Даже если ему будет позволено... нет, даже если ему всё ещё будет запрещено желать... Он хотел этого.

Он знал, что ещё причинит ей боль, но всё равно хотел оставаться рядом с ней. Он нашёл причину для сражений и не хочет от неё отказываться. Он понимал, что не должен касаться её, что ему следует оттолкнуть, но всё равно поймал её в момент падения. На мгновение он позабыл о разделяющей их пропасти... и поступил с ней так, как поступал всегда.

Бессознательные действия говорили сами за себя. Он не хотел отпускать её. Он видел в себе монстра и знал, что может лишь причинить боль, но несмотря на это... нет, как раз поэтому...

...он более не может оставаться таким, каким есть сейчас.

Но быть с девушкой, что желает будущего, с пустотой в сердце, запрещающей ему желать этого, он не мог. Раз он верит, что причинит ей боль, ему нужно измениться.

Измениться, чтобы сражаться с ней плечом к плечу.

□

Чего же он хочет для себя? Как ему измениться? Сможет ли он вправду представить своё будущее... то, о чём он раньше даже не задумывался?..

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1362007>